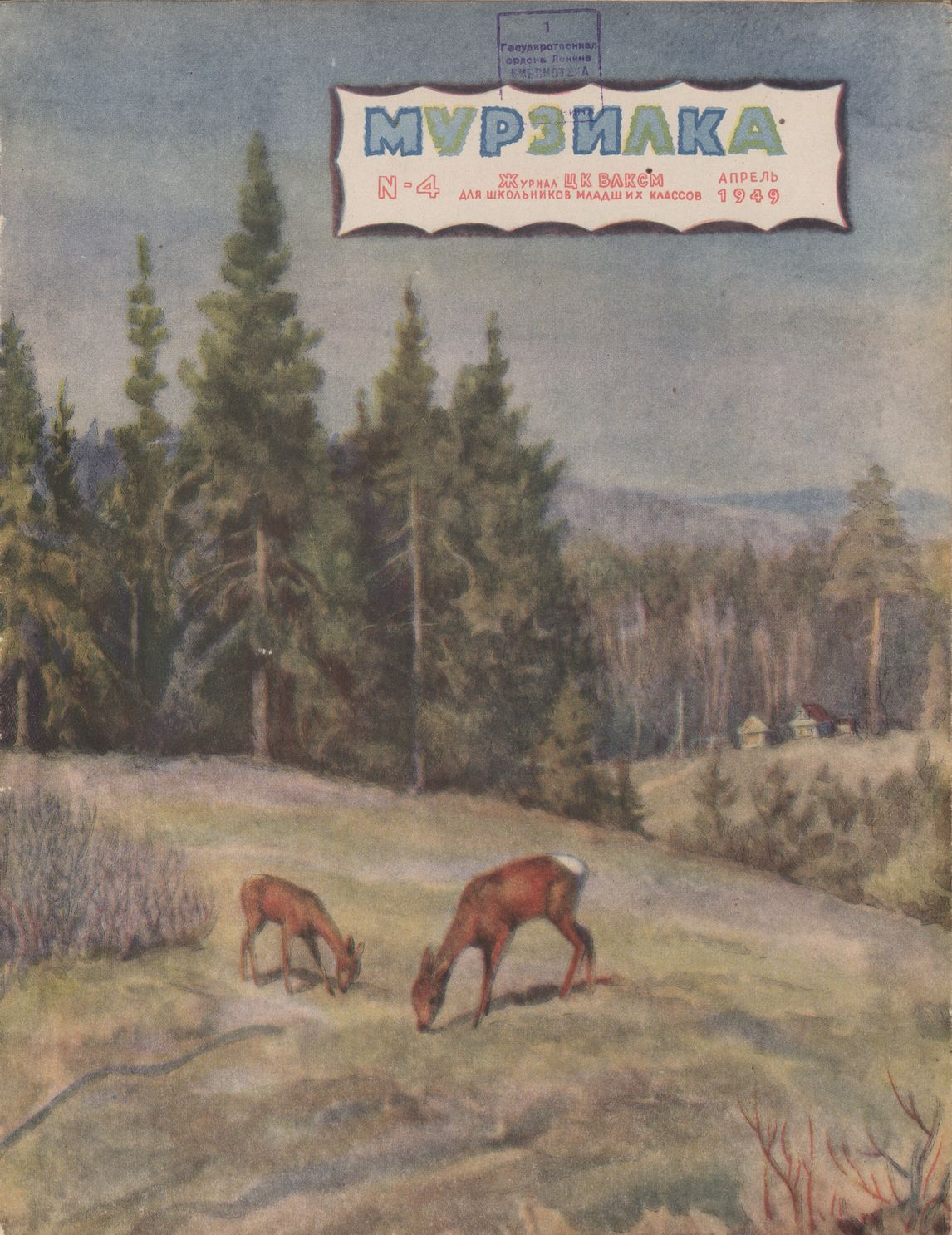

МУРЗИЛКА
N-4
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
АПРЕЛЬ
1949

Письмо детям

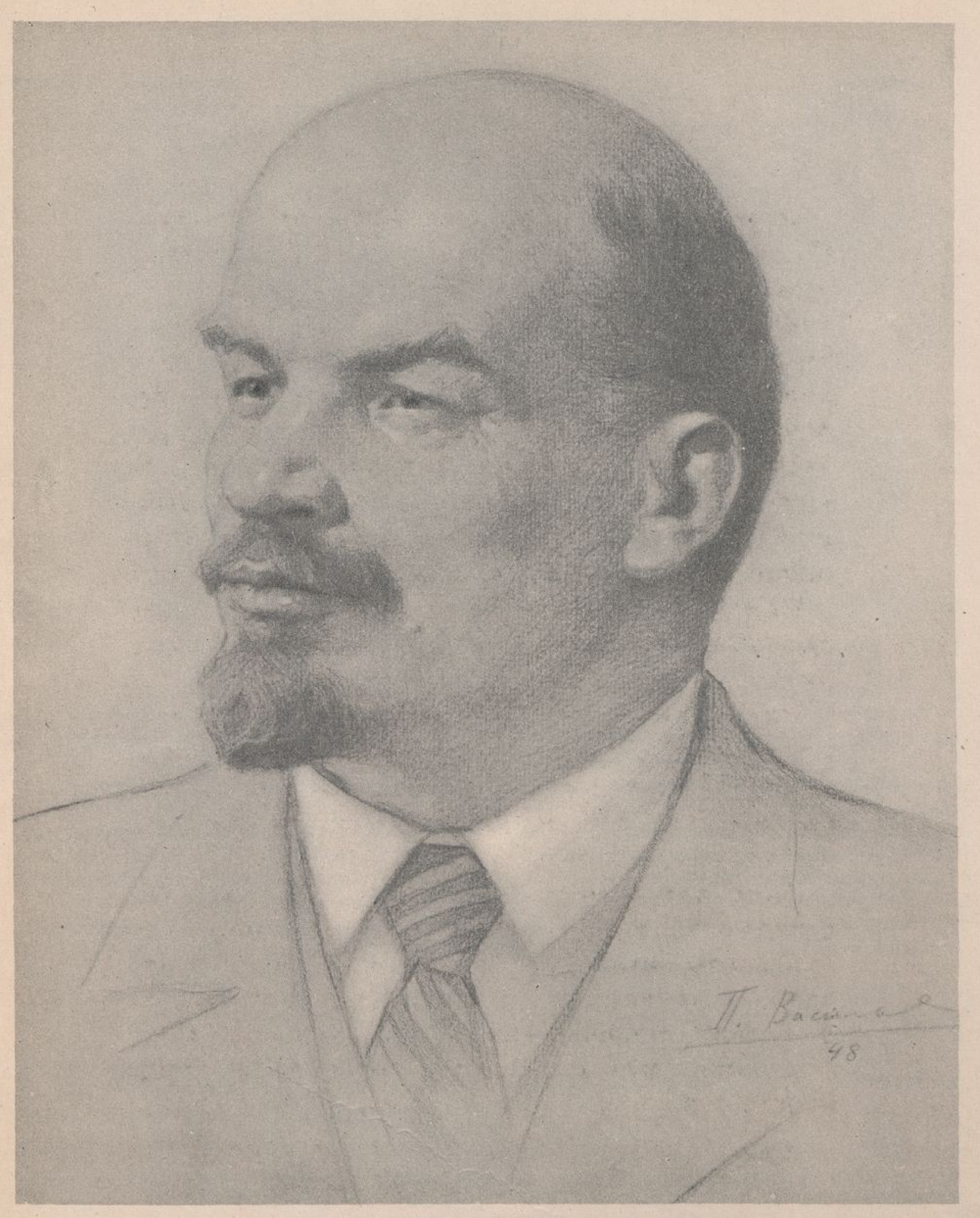
Дорогие ребята, продолжайте дело Ленина — Сталина, делайте всё, что можно, для того, чтобы жизнь для всех становилась всё более светлой, культурной, зажиточной. Побольше читайте, хорошенько учитесь, — много надо вам знать. Учитесь жить как можно дружнее, помогая друг другу в работе, в учёбе. Надо, чтобы было настоящее товарищество между вами, между ребятами разных национальностей, между мальчиками и девочками, между старшими ребятами и младшими.

Более сильные, более знающие, более умелые должны помогать тем, кто слабее, кто меньше знает.

Надо также, чтобы была забота об общем имуществе. Видят ребята — забор завалился, надо поправить; видят — огонь зря горит, надо потушить; видят — малыша кто-нибудь обижает, надо заступиться.

Надо помогать старшим, надо учиться, надо вглядываться и вдумываться в жизнь, распознавать, кто друг советской власти, кто враг. Надо крепкую волю иметь, уметь самим с собой справляться, быть выдержанными, стойкими, мужественными, готовыми к труду и обороне.

1937 год. *Н. К. КРУПСКАЯ*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Родился 22 апреля 1870 года.

ВЕСЕННИЕ СТИХИ

Иван БАУКОВ

Рис. А. АРХАНГЕЛЬСКОЙ

Отшумели капели
На полях за гумном.
И капели запели
У меня под окном.

Снег последний на зорьке
И лилов и румян.
И вдали на пригорке
Над берёзкой туман.

У колхозных амбаров
Шелестят триера.
Расчирикались с жаром
Воробьи у двора.

Дед, от солнышка щурясь,
Ульи выставил в сад.
Трактористы, волнуясь,
На машины глядят.

Школьник в шапке военной
Загляделся в ручей.
И во всей во вселенной
Суматоха грачей.

Е. ТРУТНЕВА

В липах, как в шатре зелёном,
Против нашего крыльца,
На скворечнике с балконом
Громко свищут два скворца.
А скворец такая птица, —
Каждый — мастер подразниться!
По-сорочьи застрекочет,
Замяукает котом...
Может, он меня захочет
Передразнивать потом?
И знакомое словечко
Вдруг услышу я с крылечка?
Под кустами, по дорожкам
Вечер ходит за окошком...
У черёмух, будто снегом,
Землю кроют лепестки...
И гудят перед ночлегом
В липах майские жуки.
Раздувает хвост вороне
На дороге ветерок...
Хорошо на стадионе
Провести бы вечерок!
Не жалея бы ладошек,
Хлопать каждому мячу!
Нет, я даже из окошек
Видеть улиц не хочу!
Не гоняюсь за жуком
С новым марлевым сачком
И не слушаю с крыльца,
Что мне скажут два скворца.
Всю весну, почти что с марта,
Я за книжкой день-деньской:
То грамматика, то карта,
То задачник под рукой.
Чтоб гулять потом всё лето,
Потрудиться надо мне.
А хорошие ответы —
Это рапорт мой стране!

Владимир **ВЕРОВ**

Рис. **М. БУТРОВОЙ**

ЯГОДНЫЙ КИСЕЛЬ

Хотите знать, где я живу?

Я живу в посёлке Сотукан. На Крайнем Севере.

Сотукан часто называют вторым «полюсом холода». «Полюс холода» — это самое холодное место на земном шаре. Первый «полюс холода» — город Верхоянск. В Сотукане зимой бывают почти такие же морозы, как и в Верхоянске. Больше шестидесяти градусов. При таком холоде птицы замерзают на лету. А все дикие лесные звери в это время прячутся в свои норы или зарываются в снег.

В таёжных посёлках зимой стоит такой туман, что даже вблизи ничего не видно. А если сильно вздохнуть, то воздух вырвется изо рта со звоном и свистом или с шелестом, похожим на шуршание бумаги. Зато в лесу и в тундре в такие дни и особенно по ночам воздух ясен и прозрачен.

Я живу на Севере с папой и мамой. Мои родители работают в далёкой тайге. А я учусь в Сотуканской школе и живу в пришкольном интернате.

Папа рассказывал мне, как строилась эта школа. Там, где теперь входное крыльцо, росла высокая лиственница. А на ней жила белочка. Она никогда не видела людей и не боялась их. Когда трактор вытаскивал с корнем лиственницу, белочка долго не понимала, почему так дрожит её дом. Она убежала только тогда, когда дерево уже лежало на земле.

В нашей школе учатся русские дети. А в четырёх километрах от посёлка находится якутский колхоз «Новая жизнь». Там есть школа для якутских ребят. В этой школе учится мой товарищ Вася Красильников. Он якут.

Вася — председатель совета пионерского отряда. И я тоже председатель совета пионерского отряда. Только в своём классе.

Я хочу рассказать вам про ягодный кисель. Про самый обыкновенный ягодный кисель.

А всё дело с этим ягодным киселём началось в феврале. Снегу в этот год выпало очень много. Местами человек весь целиком проваливался в сугробы. Только подумайте — два метра снегового покрова. А меньше метра снега нигде не было. Вот какая была снежная зима!

В субботу после уроков мы решили всем классом совершить небольшую лыжную прогулку в лес. Лыжи у нас были широкие и короткие, обшитые снизу оленьими шкурами, чтобы лучше скользили по снегу, а главное, чтобы они хорошо тормозили на подъёмах. Это и есть самые настоящие якутские лыжи. На них уже не провалишься в пушистый и мягкий, как вата, снег.

В лесу было тихо. Иней и снег забелили стволы деревьев и каждую веточку. Тишина стояла вокруг такая, что было слышно, как в посёлке, на школьном дворе кричали и смеялись первоклассники. А в три часа дня мы вдруг услышали протяжный далёкий гудок. Это было начало обеденного перерыва на руднике. Гудок локомобиля приплыл к нам за семьдесят километров!

Мы уже собрались возвращаться домой, в школьный интернат. Вдруг откуда ни возьмись из-за кустов выскочили на лыжах шесть якутских ребят. И все с вёдрами. А впереди мой товарищ — Вася Красильников.

Вася подкатил ко мне. Мы поздоровались.

— Куда вы с вёдрами? — спросил я.

— За ягодами.

— За ягодами?!

Все наши ребята, да и я сам, решили, что это шутка. Какие могут быть ягоды в феврале месяце на Крайнем Севере, когда всюду лежит метровый снег?

Я пожал плечами.

— Что же, ты меня за сумасшедшего или за дурака принимаешь? — сердито сказал я Васе.

Но Вася нисколько не обиделся.

— Не верите — не надо, — сказал он. — А то пойдёмте с нами. Сами увидите, что я не вру.

— Сейчас нельзя. Нам пора возвращаться в интернат. А то опоздаем к чаю.

Вася снял свою шапку-ушанку и почесал рукой затылок. Он очень любил почёсывать свой затылок.

— А знаешь что? Давай в следующее воскресенье пойдём за ягодами коллективно. Ваш отряд и наш отряд. Я такое место знаю — целую лодку можно одному человеку набрать. А мы не будем лодкой собирать. Захватим побольше вёдер.

Я недоверчиво посмотрел на Васю. Уж не смеётся ли он надо мною?

— Если правду говоришь — пойдём. Наши ребята всегда согласятся на такое дело. Ведь так?

Все ребята загалдели, закричали, словно галки:

— Конечно, пойдём! Обязательно пойдём! Только не обмани нас!

В следующее воскресенье чуть ли не весь интернат собрался итти в поход за ягодами. Одна только была беда — вёдер мало.

Столько было обид и огорчений — прямо беда! У одного есть лыжи, но нет вёдер. Зато у другого есть вёдра, но нет лыж.

Наш классный руководитель Александр Николаевич мирил нас. Делил лыжи и вёдра, уговаривал, успокаивал. За ягодами пошли девятнадцать человек.

Вася со своим отрядом шёл впереди: прокладывал дорогу. Сперва мы пересекли небольшую речку Куранах. Потом пошли тайгой.

Через час мы вышли к широкому плёсу реки Сотукан.

— Вот он — этот остров. Видите? — показал нам Вася.

Посредине реки вытянулся безлесный, покрытый высоким кустарником и тальником остров. На занесённой снегом реке он казался небольшим бугром.

Мы поднялись туда на лыжах. Миновали густой тальник, раздвигая его руками. И вдруг...

Честное пионерское, у меня даже пот выступил на лбу, когда я увидел этот чудесный, сказочный сад!

По всей длине острова густо-густо росли высокие кусты, сплошь усыпанные крупной чёрной ягодой.

Кусты гнулись и под тяжестью ягод и под тяжестью снега. Каждая ягодка была сверху подёрнута белым пушком. Это мороз покрыл её своим узором.

Мы все стояли как вкопанные. Зато Вася торжествовал. Его глаза сверкали. У него был такой вид, словно это был их колхозный сад. И будто он сам со своим отрядом вырастил все эти ягоды.

— Ну что, видали? — обратился он ко мне и к Александру Николаевичу. — Что ж, я вам неправду говорил? Шутил над товарищами? Вот он какой сад бывает у нас на Севере! Сюда и дороги никто не знает. Осенью здесь живой души не было. Поэтому и вся ягода цела. Теперь её только и брать. В августе здесь комаров ужас сколько! И ягоду плохо собирать. Она мягкая, мнётся в руках. А сейчас — смотрите, как дело быстро пойдёт!

Он сказал что-то по-якутски своим ребятам. Они мигом окружили кусты, густо обсыпанные чёрной смородиной. Каждый из них слегка тряхнул ветку. Мороженые ягоды, словно дробь, забарабанили по дну вёдер. Несколько минут — и у Васи уже было полное ведро крепкой, крупной ягоды.

Мы все кинулись к кустам. И у нас ягоды забарабанили по днищам вёдер. Работа шла весело и быстро. Многие начали прикладываться к смородине.

— Ой, как вкусно! — кричал откуда-то из-за кустов Алёша Поздняков. — Настоящее мороженое. «Эскимо»!

— Не простудитесь, ребята, — предупреждал нас Александр Николаевич. — Ягода очень холодная. Застудите себе горло...

— И вправду настоящее мороженое! — кричали уже со всех сторон.

Все мы вымазались в ягоде. Смешно было глядеть на нас: губы чёрные, зубы чёрные, языки лиловые. Некоторые умудрились почернить себе даже щёки.

Через час мы тронулись в обратный путь. У каждого были переброшены через плечо два ведра первосортной чёрной смородины.

С важным видом победителей мы выстроились длинной цепочкой у дверей холодной кладовой нашего интернатского повара Ван Ваныча. Там уже была заранее приготовлена для нашей ягоды большая деревянная бочка.

— Вот так штука! — развёл руками Ван Ваныч. — Чудо-юдо — рыба-кит! Зимой — и такая ягода! Да я вас, хлопчики, закормлю киселями. Ешь — не хочу! Всякие джемы, компоты буду вам сооружать. Сладкие соусы к пшённой каше. Пудинги с подливкой.

В следующее воскресенье Вася повёл нас в другое место. Там был его заповедник шиповника.

И до чего ж это красиво — шиповник зимой! Каждая ягодка горит на фоне белого снега. Солнышко пронизывает ягоды насквозь. А внутри в них всё переливается, словно кровь. Закройте рукой электрическую лампочку: ваши пальцы заиграют, станут яркокрасными и прозрачными. Так же выглядели и ягоды шиповника, освещённые февральским солнцем.

Однако над шиповником нам пришлось потрудиться. Сколько мы ни трясли ветки, ягоды сами не хотели падать в вёдра. Надо было собирать их по отдельности каждую ягодку.

Лишь к вечеру мы вернулись домой усталые, но счастливые.

Теперь в кладовой Ван Ваныча стояли две бочки с ягодой, собственноручно собранной самими школьниками. И каждый день мы ели сладкий кисель.

Частенько, еще с вечера, ложась спать, мы уже облизывали губы: предвкушали

удовольствие от завтрашнего киселя, джема или сладкой подливки к пшённой каше.

Мы были обеспечены ягодами на всю зиму. Не только на зиму, но даже и на всё лето до осени, до новой ягоды.

В интернате и в классах было тепло и уютно. Чуть шипело центральное отопление. Мягким светом горело электричество.

А бывало в четыре часа мы как заведём радио—все вокруг него соберёмся. Паша Солнцев уже заранее кричит:

— Да тише вы! Тише! Детская передача из Москвы!

В это время в Москве только ещё десять часов утра. А у нас уже темно. Скоро будем спать ложиться.

А когда ляжем в постели и дежурный потушит свет, разве сразу уснёшь? Тут и начинаются разговоры. Сначала шепотком, а потом всё громче и громче...

В один из таких вечеров, когда мы уже лежали в постелях, но спать ещё не хотелось, Саша Кувыкин и говорит:

— Как же это, ребята, так нехорошо получается? Якутская школа во всём нам помогает. Ребята показали нам, как делать лыжи, научили бегать на них без палок, ходили с нами на рыбалку. А сейчас повели на такой остров сокровищ, где зимой ягоду можно брать, как осенью. А мы чем им помогли?

Все сразу зашумели. Несколько мальчиков даже выскочили из постелей. В спальню заглянул дежурный воспитатель и громко крикнул:

— Мальчики, спать! Уже поздно...

Мы снова улеглись под одеяла. На миг стало тихо. А потом Миша Зайцев прошипел своим хриплым голосом:

— У меня есть предложение. Давайте наберём в подарок якутской школе бочку чёрной смородины.

— Ну, вспомнил! — сказал кто-то из ребят. — Когда уже всю ягоду обобрали, тогда ты предлагаешь итти собирать её.

Все засмеялись.

А Паша Солнцев встал на своей постели во весь рост и громко сказал:

— А я знаю, как сделать. Нет ягоды в лесу? Но зато есть ягода в нашей кладовой. Я предлагаю подарить якутским ребятам половину нашей ягоды!

Так мы и сделали. Подарили нашим друзьям, якутским школьникам, бочку отборной чёрной смородины.

И все равно нам ягоды хватило на всю зиму и лето с избытком. Потому что вскоре после нашего подарка Вася Красильников пришёл ко мне в гости и говорит:

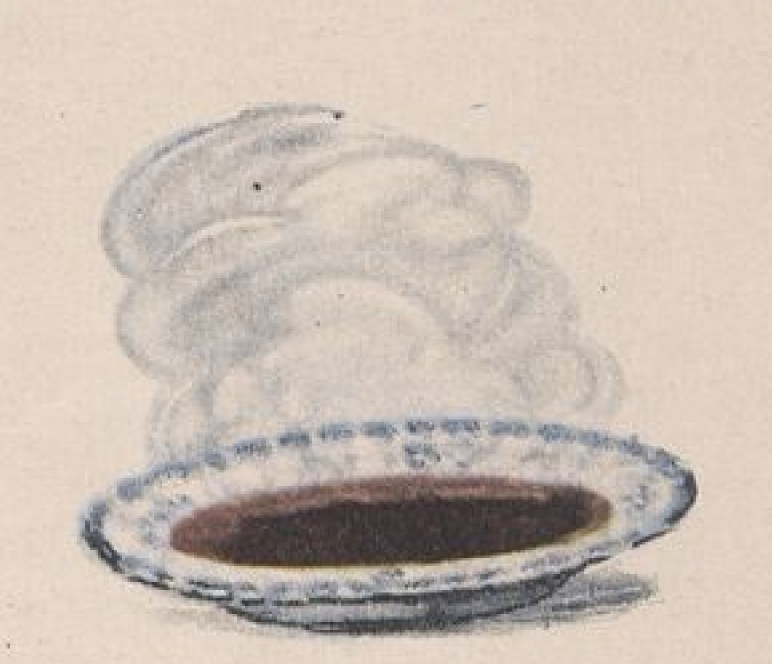
— А я ещё знаю такое место, где чёрной смородины так много, как у Мичурина яблок в саду, — тысячи тысяч. Идёмте в следующее воскресенье!

И мы снова пошли за ягодой. Но это уже было не в феврале, а в апреле. В апреле в Москве, небось, уже весна. И нигде нет ни крошки снега. А у нас в Сотукане ещё зима. И снег ни чуточки не тает.

Мы весело скользили на лыжах, позванивая вёдрами. Солнце было такое яркое, что смотреть на него было больно. А снег был белый-белый и так искрился, что у нас сразу зарябило в глазах. Пришлось надевать жёлтые солнечные очки.

Возвращались мы с весёлыми песнями. С вёдрами, наполненными чёрной крупной ягодой.

Хорошо жить на Севере! Разве где-нибудь ещё на земле можно зимой собирать вкусную, полезную для здоровья и такую сладкую ягоду и каждый день есть чудесный ягодный кисель?

Приезжайте к нам в Сотукан, ребята! Мы угостим вас киселём из чёрной смородины, шиповника, голубики и даже дикой малины, таким вкусным, какого вы ещё в жизни не едали!

ЛЕПЁШКИ С ТВОРОГОМ

Л. ВОРОНКОВА

Алёнкина мать напекла лепёшек. Лепёшки были большие, с поджаристыми краями, начинённые картошкой и творогом. Алёнка взяла себе лепёшку, и Дёмушка взял лепёшку. Тогда Алёнкина мать сказала:

— Что ж, вы будете лепёшки есть, а Таня на вас глядеть будет?

И она дала Тане лепёшку.

Все трое с лепёшками вышли на улицу. Увидела их ворона с дерева, спустилась пониже, а сама то одним глазом, то другим поглядывает на творожные лепёшки.

— Не гляди, не гляди, — сказал Дёмушка: — все равно не дадим! — и спрятал руку с лепёшкой за спину.

Все глядели на ворону и не заметили, как прибежал озорной пёс Снежок. Он подошёл к Дёмушке сзади, понюхал вкусную лепёшку и вырвал её из руки. Вырвал и убежал и хвостом замотал от радости.

Дёмушка сразу заревел на всю улицу.

— А ты куда глядел? — закричала на него Алёнка. — Ты что — галок ловил?

— Я не галок... — сказал Дёмушка, — я на ворону...

— На ворону! Ну, вот лепёшку-то и проворонил!

А потом Алёнке стало жалко Дёмушку; она отломила от своей лепёшки половину и дала ему. Таня тоже отломила от своей половину. И стало у Дёмушки всех больше. У Тани половинка и у Алёнки половинка, а у Дёмушки целая лепёшка.

Платон ВОРОНЬКО

Рис. Б. УХАНОВА

ЛИПКА

Я, густая липка,
Подрастаю шибко, —
Примечай меня!

Ливень льёт порою,
Я от ливня скрою, —
Не ломай меня!

А в денёк горячий
В тень тебя я спрячу, —
Поливай меня!

Я медовым цветом
Расцветаю летом, —
Береги меня!

Хорошо обоим
Нам расти с тобою, —
Полюби меня!

А настанут сроки,
В свет пойдёшь широкий, —
Не забудь меня!

Вахтанг АНАНЯН

ПЕРЕПЕЛЯТА

Когда, собравшись в лес, я сел на лошадь, внучёнок мой спросил:

— Дедушка, привезёшь мне птичек?

— Привезу, родной... Если поймаю, непременно привезу, — ответил я и уехал.

Еду по лесу и думаю: «Хорошо бы гнездо птичье найти, привезти птенца внуку...»

Выбрался на одну окружённую кустами лужайку. В таких кустах мелкие птицы всегда гнёзда вьют. Надо поглядеть.

Только хотел спешиться, как из-под самых ног моей лошади с шумом вспорхнула перепёлка, но не улетела, а опустилась невдалеке.

Я соскочил с лошади, сделал шаг, другой и протянул к перепёлке руку, но она, перепорхнув, опять села в нескольких шагах от меня.

«Крыло, должно быть, повредила, — подумал я. — Поймаю, не уйдёт...»

Осторожно пошёл вслед за птичкой, но она, то взлетая, то садясь, уводила меня подальше от лошади. Вижу, крылышки у неё целые. По взлёту чувствую — птица здоровая. Так почему же она не улетает, куда меня за собой ведёт?..

В это время слышу — неспокойно заржал мой конь. Оглянулся: травы не щиплет, стоит, трясёт головой, точно что-то на земле увидел. «Там что-то есть», — подумал я.

Пошёл к нему. А за спиной моей вдруг писк, шелест крыльев. Делая короткие взлёты, догоняет меня... перепёлка. Я понял: тут у неё гнездо, птенцы.

И на самом деле: под мордой у лошади копошатся в траве маленькие — величиной в лесной орех — серенькие, пушистые существа. Рядом, в ямке, заботливо выложенной мхом и пухом, — яичная скорлупа. Видно, только что вылупились.

Я наклонился и одного за другим собрал в свою шапку тринадцать крошечных перепелят. «Вот обрадуется внучек!» — подумал я весело.

Но тут я снова услышал у своих ног трепет крыльев и жалобный, молящий писк. Беспомощными, тоненькими голосками отозвались на него пушистые шарики в моей шапке...

Я сейчас же опорожнил её. Бережно положил перепелят в гнездо и, вскочив на лошадь, уехал.

Вечером я рассказал внуку о своей лесной находке: сколько было перепелят, какие они были крохотные, пушистые, славные...

— Почему же ты не привёз их мне, дедушка? — с упрёком спросил мальчик. В голосе его звучали слёзы.

— Я хотел привезти, — ответил я, — но их мама не позволила.

— Да, если бы ты взял птенцов, их мама стала бы плакать, — сейчас же успокоился мальчик, и его лицо осветилось доброй, радостной улыбкой.

Перевёл с армянского А. Гюль-Назарьян

Наталья **КОНЧАЛОВСКАЯ**

Рис. **В. КОНАШЕВИЧА**

Быль про угличское дело, что в преданьях уцелело

1591 год

Грозный царь скончался рано.
Были дети у Ивана.
Царство он оставил им —
Двум царевичам своим.
Был царевич Фёдор хилый,
В нём ни разума, ни силы,
Был царевич Дмитрий мал —
Ничего не понимал.
И подстроили бояре,
Что по смерти государя
Начал царствовать один
Государев старший сын.
А царевичу меньшому,
И родне его, и дому
Город Углич шёл в удел, —
Так де Грозный царь велел:
Чтоб он с матушкой-царицей
Жил в сторонке от столицы,
Жил на Волге, на реке,
От престола вдалеке.
А в Москве, богатой, шумной,
Старший Фёдор слабоумный
На престоле таял, чах,
Богомольный, как монах.
И при нём незаменимый,
Всем боярством нелюбимый,
Был боярин Годунов.
Сам умён, красив, здоров,
Угождал царю с полслова.
Без Бориса Годунова
Крепко стал бы царь тужить,
Дня не мог бы царь прожить.
Что до матушки-царицы,
Нашей угличской вдовицы,
То она давно была
На Бориса очень зла:
Он держал её в загоне,
Хоть и старший сын на троне.
Но наследник не один —
Дмитрий тоже царский сын!
И в окно бывало глядя,
Плачет вдовушка в досаде.
А царевич жил себе,
Не печалясь о судьбе.
Всем всегда он был доволен,
Если только не был болен,

Иногда бывало вдруг
Приходил к нему недуг.
Знал он игры да потехи,
В свайку, в тычку на орехи,
С малолетства ловко мог
Точно в цель бросать клинок.
Мамки с няньками сидели,
С умилением глядели,
Как царевич их ребят
Всех обыгрывал подряд,
Право слово, лучше всех!
Но однажды вышел грех:
Говорят, что как-то в мае
Наш царевич у крыльца,
В свайку с дворнею играя,
Изменился вдруг с лица,
В корчах, в судоргах зашёлся,
На песок упал ничком
И в припадке закололся —
Сам убил себя клинком.
Как увидела царица,
Что с царевичем творится,
Так сама, как смерть бледна,
К сыну бросилась она.

Над младенцем крики, слёзы,
И проклятья, и угрозы.
А царица-мать кричит,
Что царевич был убит!
Что для низких целей, тёмных
Подослал убийц наёмных,
Подослал сюда врагов
Сам боярин Годунов.
Мы теперь судить не в силах,
Может, правду говорила
В этот миг царица-мать,
Мы не можем утверждать.
Это угличское дело,
Что в преданьях уцелело,
Дело тёмное для нас.
Но, понятно, в этот час,
Мамки-няньки завопили:
«Ох, царевича убили!
Ох, злодеи из Москвы!
Ох, не сносим головы!»
Засновал народ проворный,
Всполошился весь дворец,
Бухнул в колокол соборный
Поп, по кличке — Огурец.

На набат народ толпою
Прибежал на царский двор:
Кто содеял дело злое:
Кто злодей, убийца, вор?
А приставлен был к царице,
Проверять казну вдовицы,
Всем её затеям враг —
Битяговский, царский дьяк.
И толпе вдова со зла
Имя дьяка назвала.
Как волна в морском прибое,
В бунт народный гнев кипит,
Был мятежною толпою
Битяговский-дьяк убит.
И не то чтоб за царёнка
Было мщенье бунтарей,
И не раз набатом звонко
Возвещалась смерть царей,
Но рождался дух бунтарский,
Дух мятежный рос кругом, —
Кто был близок власти царской,
Тот народу был врагом.
Вот оно за что и как
Поплатился жизнью дьяк.
Шлёт отряды Годунов
Усмирять бунтовщиков.
Вот стрелецкие пищали
По посаду затрещали,
Кто в подполье, в погреб влез,
Кто бежал в соседний лес.
Но в лесу недолго жили:
Всех стрельцы переловили
И отправили навек
К берегам сибирских рек.
И с поникшими плечами
Шли к Тобольску угличане,
Шли в тайгу — в страну снегов —
С тёплых волжских берегов.
С ними колокол опальный
В этот долгий путь печальный
По снегам отправлен был,
Чтобы больше не звонил.
Чтоб не тешил больше слуха,
Сняли с колокола ухо,
Чтоб к молчанию привык,
Медный вырвали язык.
Так, по царскому веленью,
Стали жить на поселенье
Мужики-бунтовщики
С Волги-матушки реки...
Время шло, о них забыли,
Все они давно в могиле,
От могилы за года
Не осталось и следа.
Но из этой ссылки дальной
Вышел колокол опальный.
В наше время в Углич он
Был с почётом возвращён.

Н. НОСОВ

Рис. А. КОКОРИНА и В. ВЫСОЦКОГО

ПИСТОЛЕТ

Саша давно просил маму подарить ему пистолет, который стреляет пистонами.

— Зачем тебе такой пистолет? — говорила мама. — Это опасная игрушка.

— Что тут опасного? Если б он пулями стрелял, а то пистонами. Из него всё равно никого не убьёшь.

— Мало ли что может случиться... Пистон отскочит и попадёт тебе в глаз.

— Не попадёт. Я буду зажмуриваться, когда буду стрелять.

— Нет, нет! От этих пистолетов бывают разные неприятные истории. Ещё выстрелишь да напугаешь кого-нибудь, — сказала мама.

Так и не купила ему пистолет.

А у Саши были две старшие сестры — Маринка и Ирочка. Вот он и стал просить сестёр:

— Миленькие, купите мне пистолетик! Мне очень хочется. За это я всегда буду вас слушаться.

— Ты, Сашка, хитренький! — сказала Маринка. — Когда тебе надо, так ты подлизываешься и миленькими называешь, а как только мама уйдёт, с тобой и не сладишь.

— Нет, сладишь, сладишь! Вот увидите, как я буду вести себя хорошо.

— Ладно, — сказала Ира. — Мы с Маринкой подумаем. Если обещаешь вести себя хорошо, то, может быть, купим.

— Обещаю, обещаю! Всё обещаю, только купите.

На другой день сёстры подарили ему пистолет и коробку с пистонами. Пистолет был новенький и блестящий, а пистонов было много: штук пятьдесят или сто. Стреляй хоть весь день — не перестреляешь. От радости Саша прыгал по комнате, прижимал пистолет к груди, целовал его и говорил:

— Миленький мой, хорошенький пистолетик! Как я тебя люблю!..

Потом он нацарапал на ручке пистолета своё имя и начал стрелять. Сразу запахло пистонами, а через полчаса в комнате стало синё от дыма.

— Довольно тебе стрелять, — сказала, наконец, Ира. — Я каждый раз вздрагиваю от этих выстрелов.

— Трусиха! — ответил Саша. — Все девчонки — трусихи.

— Вот отнимем у тебя пистолет и спрячем, тогда узнаешь, какие мы трусихи! — сказала Маринка.

— Сейчас я пойду во двор и буду пугать ребят пистолетом, — заявил Саша.

Он вышел во двор, но ребят во дворе не было. Тогда он выбежал за ворота, и вот тут-то случилась эта история. Как раз в это время по улице шла старушка. Саша подпустил её поближе и как бабахнет из пистолета! Старушка вздрогнула и остановилась. Потом говорит:

— Фу, как я испугалась! Это ты тут из пистолета палишь?

— Нет, — сказал Саша и спрятал пистолет за спину.

— Что же, я не вижу, что у тебя пистолет в руках? Ещё врать вздумал, бессовестный?! Нарочно вышел сюда пугать людей, а? Вот я сейчас пойду заявлю в милицию.

Она погрозила крючковатым пальцем, перешла на другую сторону улицы и скрылась в переулке.

«Вот так штука! — испугался Саша. — Кажется, на самом деле пошла в милицию жаловаться».

Он, запыхавшись, прибежал домой.

— Чего ты запыхался, будто за тобой волк гонится? — спросила Ира.

— Это я так просто.

— Нет, ты уж лучше скажи. Сразу видно, что что-нибудь натворил.

— Да ничего я не натворил! Просто так... Напугал бабку какую-то.

— Какую бабку?

— Ну, какую, какую! Обыкновенную! Просто шла по улице бабушка, а я взял да и выстрелил из пистолета.

— Зачем же ты выстрелил?

— Сам не знаю. Идёт бабушка, дай, думаю, выстрелю. Ну и выстрелил.

— А она что?

— Ничего. Пошла в милицию жаловаться.

— Вот видишь, обещал вести себя хорошо, а сам что наделал!

— Я же не виноват, что бабка попалась такая пугливая.

— Вот придёт милиционер, он тебе покажет бабку! — пригрозила Ира. — Будешь знать, как людей пугать.

— А как он меня найдёт? Он ведь не знает, где я живу. Даже имени моего не знает.

— Найдёт, будь спокоен! Милиционеры всё знают.

Целый час Саша просидел дома и всё выглядывал в окно, не идёт ли милиционер. Но милиционера не было видно. Тогда он понемногу успокоился, развеселился и сказал:

— Наверное, бабушка меня просто попугать хотела, чтоб я не баловался.

Он решил снова пострелять из своего любимого пистолета и сунул руку в карман. В кармане лежала коробка с пистонами, но пистолета не было. Он полез в другой карман, но и там было пусто. Тогда он принялся искать по всей комнате. Смотрел и под столами и под диваном. Пистолет исчез, будто провалился сквозь землю. Саше стало обидно до слёз.

— Не успел даже поиграть! — хныкал он. — Такой пистолетик был!

— А может быть, ты его во дворе потерял? — спросила Ира.

— Наверное, я его там, за воротами, выронил, — сообразил Саша.

Он открыл дверь и бросился через двор на улицу. За воротами пистолета не было.

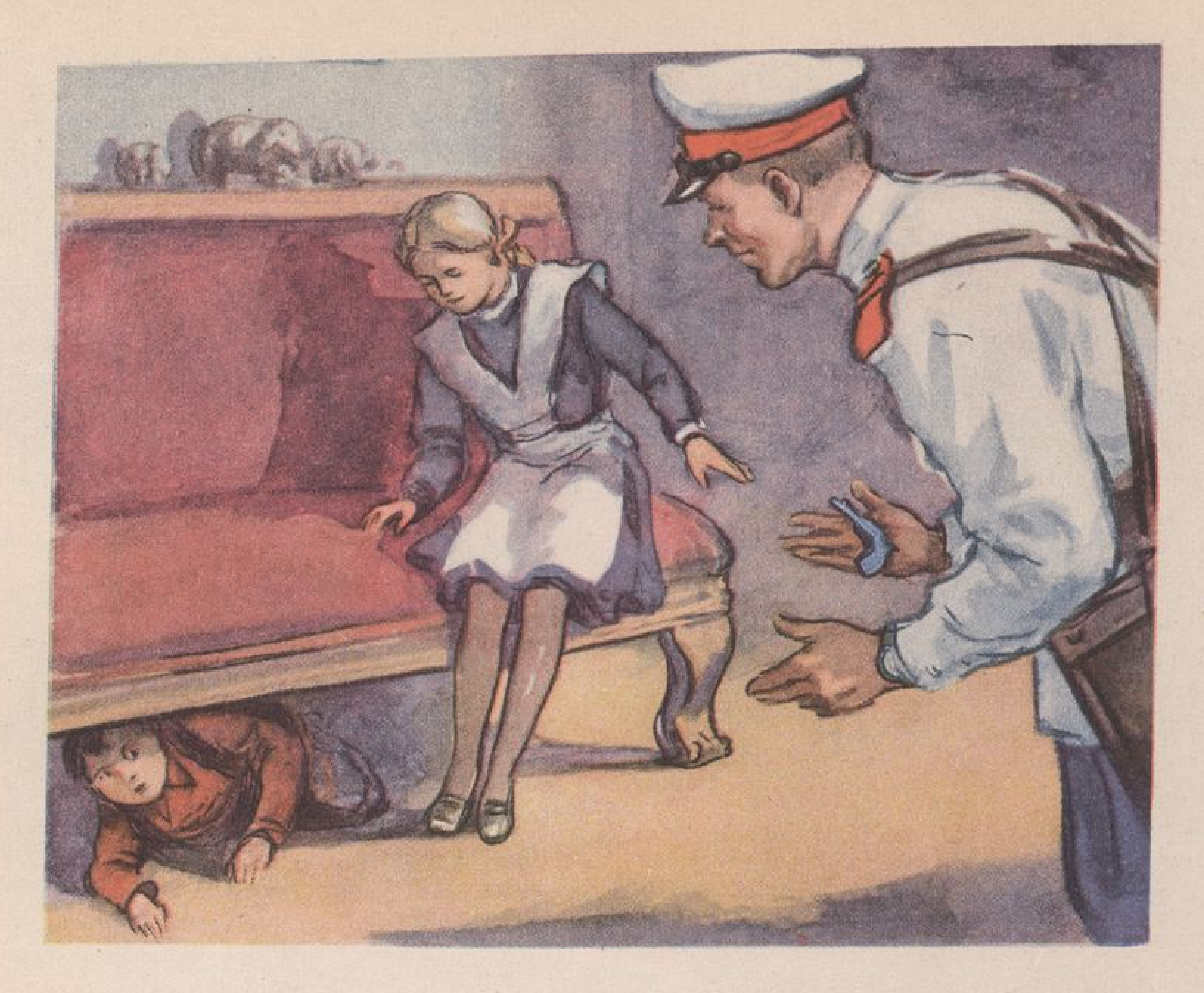
«Ну, теперь его уже нашёл кто-нибудь и взял себе», — с досадой подумал Саша и тут вдруг увидел, что со двора напротив вышел милиционер и быстро зашагал через улицу прямо к Сашиному дому.

«За мной идёт! Видно, бабка нажаловалась-таки!» — подумал Саша и стремглав побежал домой.

— Ну, нашёл? — спросили Маринка и Ира.

— Тише! — прошипел Саша. — Милиционер идёт!

— Куда?

— Сюда, к нам.

— Где ты его видел?

— На улице.

Маринка и Ира стали над ним смеяться.

— Эх ты, трусишка! Увидел милиционера—и испугался! Может быть, милиционер совсем в другое место идёт.

— Да я совсем и не боюсь его, — стал храбриться Саша.

Тут за дверью послышались шаги, и вдруг зазвонил звонок. Маринка и Ира побежали открывать. Саша высунулся в коридор и зашипел:

— Не открывайте ему.

Но Маринка уже отворила дверь. На пороге стоял милиционер. Блестящие пуговицы так и сверкали на нём. Саша опустился на четвереньки и полез под диван.

— Скажите, девочки, где здесь шестая квартира? — послышался голос милиционера.

— Это не здесь, — ответила Ира. — Здесь первая, а шестая — это нужно выйти во двор, а там дверь направо... Так вот, нужно войти в эту дверь и подняться на второй этаж.

— Войти в дверь и подняться на второй этаж? — повторил милиционер.

— Ну да.

Саша понял, что милиционер вовсе не за ним пришёл, и уже хотел вылезти из-под дивана, но тут милиционер спросил:

— Кстати, не у вас тут живёт мальчик Саша?

— У нас, — ответила Ира.

— А вот он-то мне как раз нужен! — сказал милиционер и вошёл в комнату.

Маринка и Ира тоже вошли в комнату и увидели, что Саша куда-то исчез. Маринка даже заглянула под диван. Саша увидел её и молча погрозил из-под дивана пальцем, чтоб она не выдавала его.

— Ну, где же ваш Саша? — спросил милиционер.

— А его дома нет. Он гулять ушёл, — соврала Маринка.

Девочки очень испугались за Сашу.

— А что вы про него знаете? — спросила милиционера Маринка.

— Что же я знаю... — ответил милиционер. — Знаю, что зовут его Саша. Ещё знаю, что у него был новенький пистолет, а теперь у него этого пистолета нет.

«Всё знает!» — подумал Саша.

От страха у него даже зачесалось в носу, и он как чихнёт под диваном:

— Апчхи!

— Кто это там? — удивился милиционер.

— Это у нас собака, — соврала Маринка.

— Чего же она под диван забралась?

— Она у нас всегда под диваном спит, — продолжала сочинять Маринка.

— Как её зовут?

— Э... Бобик! — выдумала Маринка и покраснела, как свёкла.

— Бобик! Бобик! Фью! — засвистел милиционер. — Почему же она не хочет вылезать? Фью! Фью! Ишь ты, не хочет! А собака хорошая? Какой породы?

— Э... — сказала Маринка. — Э-э...

Она никак не могла вспомнить, какие бывают породы собак.

— Порода эта вот, — сказала она. — Как ее?.. Хорошая порода... Доберман-пинчер! Вот!

— О! Это замечательная собака! — обрадовался милиционер. — Я знаю. У неё такая волосатая морда.

Он нагнулся и посмотрел под диван. Саша лежал ни жив ни мёртв и во все глаза глядел на милиционера.

— Так вот тут какой доберман-пинчер! — закричал милиционер. — Ты чего под диван забрался, а? Ну-ка, вылезай, теперь всё равно попался!

— Не вылезу! — заревел Саша.

— Почему?

— Вы меня в милицию заберёте!

— За что?

— За старушку.

— За какую старушку?

— В которую я выстрелил, а она испугалась.

— Не пойму, про какую он тут старушку толкует! — сказал милиционер.

— Он на улице из пистолета стрелял, а мимо шла бабушка и испугалась, — объяснила Ира.

— Ах, вот что!.. Значит, это его пистолет? — спросил милиционер и достал из кармана новенький, блестящий пистолет.

— Его, его! — обрадовалась Ира. — Это мы с Маринкой ему подарили, а он потерял. Где вы его нашли?

— Да вот тут во дворе, у вашей двери. Ну, признавайся, зачем напугал бабушку? — спросил милиционер и нагнулся к Саше.

— Я нечаянно, — ответил Саша из-под дивана.

— Неправда! По глазам вижу, что неправда. Вот скажи правду, отдам пистолет обратно.

— А что мне будет, если я скажу правду?

— Ничего не будет. Отдам пистолет — и всё.

— А в милицию не заберёте?

— Нет.

— Я не хотел испугать бабушку. Я только хотел попробовать, испугается она или нет.

— А вот это, братец, нехорошо! За это тебя следовало бы забрать в милицию, да ничего не поделаешь. Раз я обещал не забирать, значит должен исполнить. Только смотри: если ещё раз набедокуришь, обязательно заберу. Ну, вылезай из-под дивана и получай пистолет.

— Нет, я лучше потом вылезу, когда вы уйдёте.

— Вот чудной какой! — усмехнулся милиционер. — Ну, я ухожу.

Он положил пистолет на диван и ушёл.

Маринка побежала показать милиционеру шестую квартиру. Саша вылез из-под дивана, увидел свой пистолет и закричал:

— Вот он, мой голубчик! Снова вернулся ко мне! — Он схватил пистолет и сказал: — Не понимаю только, как это милиционер моё имя узнал?

— Ты ведь сам написал своё имя на пистолете, — сказала Ира.

Тут вернулась Маринка и набросилась на Сашу:

— Ах ты, чучело! Из-за тебя мне пришлось милиционеру врать. От стыда я чуть не сгорела. Натвори ещё что-нибудь!

— Ни за что не буду ничего больше творить, — сказал Саша. — Сам знаю, что не нужно людей пугать.

Богдан ЧАЛЫЙ

РУЧЕЙ

Весна дохнула на снега,
Подтаяли они,
И побежал ручей в лога —
Попробуй догони!

Вдоль по дороге
Полосой
Течёт он и поёт:
— Теперь меня Тымиш босой,
И тот не переймёт!

На палке за ручьём Тымиш
Помчался, как джигит.
— Зачем по улице бежишь?
Сворачивай! —
Кричит.

— О чём поёшь: что разлился
И занял все пути?
Теперь колхозникам нельзя
Дорогу перейти!

— А мне-то что! — ручей в ответ. —
Бегу из края в край!
Тымиш обиделся:
— Ну, нет!
Ребята, запружай!

Ребята мигом тут как тут,
И каждый на плечо
Взял доску, камень, толстый прут
Иль что-нибудь ещё.

Ручей озлился:
— Не хочу!
Но гать сложили так,
Что довелось-таки ручью
Сворачивать в овраг.

Весна повсюду разлилась,
Размыла берега,
И лишь на улице у нас
Не вязнет в грязь нога.

(Сказка)

Оксана ИВАНЕНКО

Рис. Е. РАЧЁВА

А Синичка на зиму не улетела.

— Ты замёрзнешь тут, щеголиха, — говорили Синичке соловьи, улетавшие раньше всех. Это были самые заливистые, самые голосистые певцы в лесу, и, наверно, они потому так торопились, что боялись за свои голоса: как бы не потерять их на морозе. — Лети за нами, — уговаривали они Синичку.

— Ты умрёшь с голоду, под снегом ничего не найдёшь, — вторили им журавли, расправляя сильные, широкие крылья. — И нам немного грустно, но надо лететь. — И они жалобно закурлыкали.

«Я маленькая, много ли мне надо?..» — подумала Синичка.

— Нам наскучило на одном месте, — заявили грачи, собираясь в дорогу.

— Может, и тебе хочется лететь за ними? — со страхом спросила лесная яблонька, на ветке которой примостилась Синичка. — Ах, как грустно, когда все улетают, когда идёт снег и метёт метель! Пусть все деревья скажут тебе: синички ещё никогда не покидали нас, даже в злющие морозы. Но, конечно, как хочешь...

— Нет, нет, — успокоила её Синичка, — я никуда не полечу от тебя. Ведь зимовали тут и отец, и мать, остаются братья и сёстры. И смотри, сколько ещё гостей налетело с севера зимовать в наш лес. Должно быть, не такая уж и страшная зима, как говорят. — И она запрыгала по веткам, заглядывая во все трещинки коры: не запрятался ли где какой червячок или гусеница.

Синичка и минутки не могла посидеть спокойно. Она весело пела:

Цини-цини-зини-зинь!
Холод страшен для разинь.
Не пугай, зима, не вой —
Не покину край родной!

И всем деревьям стало спокойней. Да, видно, сама зима услышала, как хвалилась Синичка. И зима заскрежетала, заскрипела от лютой злости. О! Её было хорошо слышно по всему лесу. Все ручейки и реки льдом покрылись, а утром проснулась Синичка и увидела, что всё вокруг бело: внизу снег, и на ветках снег — всюду снег.

«Нет, — думает Синичка, — а я всё-таки буду петь!»

Села на веточку и запела. И хотя голосок у Синички не ахти какой и не очень-то звонко у неё получается, а всё-таки и синичка — певчая птичка.

Цини-цини-зини-зинь!
В небе потемнела синь,
И зима идёт сама, —
Не боюсь тебя, зима!

Полетели ветры к зиме, говорят:

— Всё уже снегом засыпало, и даже большие реки остановились, а вот есть такая птичка-невеличка, Синичкою называется, никак покориться зиме не хочет! Скачет, да и полно!

Никто не слышал, что зима наговорила ветрам, только задули они так, что все дороги, все дорожки замели, сугробы, как горы, высятся; завыли так, что даже волки, которые сами выть мастера, перепугались, а такая мелкота, как зайчики, белочки, лесные мышки, — так те, хоть и в меховых шубках, а боялись и нос высунуть на мороз.

А Синичка залетела за толстые нижние ветки старого дуба, где не так сильно дуло, и стала старательно рыться в коре — чего бы поесть. Такая Синичка уж по натуре — не может печалиться! Видит — в трещинке коры лежит гусеница, словно застывшая. Хороший завтрак! Только к ней уже два воробья подлетели, хотели из-под самого Синичкиного клювика гусеницу схватить. Но Синичка разве уступит?

Никто в лесу так ловко и быстро не лазал, как она. И куда только не забиралась она со своим клювиком! Увидели это ветры — хотели снова угодить зиме, задули ещё сильнее. Надо хоть на минутку Синичке спрятаться, и она порхнула в какое-то небольшое дупло. А там — белка. Стремглав Синичка вылетела из дупла. Уже и вечер наступил. Куда ей податься?

Зимний день короткий — выглянет солнце, да так, словно и оно замёрзло: быстро прячется. Села Синичка на сосну. Нахохлилась, голову — под крылышко: пуховый мячик, и только. Так и заснула.

Не спи, Синичка, будь осторожна! Гляди, потихоньку подкрадывается к тебе куница, уж и лапу протянула — вот-вот схватит. Но увидела старая сосна такую беду, зашевелила лапчатыми ветками. Проснулась Синичка — скорее от врага!

И нам зима кажется длинной, а Синичке, наверно, день в месяц. И всё-таки она скакала и пела всё время, хоть голосок был у неё совсем тонюсенький. А зима ещё сильнее лютует, — как это не может победить она такую маленькую птичку! И скрипит, и скрежещет, и снег кидает хлопьями, а не снежинками.

— И что там зима только выделывает? — спрашивает солнце у туч. А тучи блуждают по небу и видят всё, что делается.

— Есть в лесу птичка-невеличка, зовётся Синичкой, не хочет зиме покориться, всё скачет да поёт.

— А ну-ка взгляну я, что это за птичка, — громко сказало солнце и взглянуло.

Видит: маленькая красивая птичка по снегу скачет. И видно, холодно ей и голодно, а скачет. На ветку вспорхнула, клювиком что-то ищет.

— Ну и храбрая пташка, зимы не боится, — сказало солнце и засмеялось.

А как солнце засмеётся, все знают — сразу теплее становится. И все вверх начинают смотреть. И Синичка головку вверх закинула. Видит — солнце ей улыбается. Весело ей стало, и так громко она запела, что даже солнце услыхало:

Цини-цини-зини-зинь!
Разливается теплынь.
День становится длинней,
Греет солнышко сильней!

Ну, конечно, после такой песенки солнце уже не могло спрятаться за тучу, и даже

когда наступил в лесу вечер, оно слегка задержалось, и поэтому день стал немного длиннее.

А в лесу говорили:

— Слушайте, как сегодня весело поёт птичка Синичка. Может быть, зиме конец?

На другой день солнце ещё раньше проснулось.

Хотелось ему скорее на весёлую пташку посмотреть. Только взглянуло, а Синичка уже летает, и с нею еще много синичек, её сестричек. И все они поют:

Цини-цини-зини-зинь!
Хлынь тепло, а холод сгинь!
Солнышко, приди с весной —
Приголубь лесок родной!

И так сделалось радостно, приятно всем, и захотелось всем двигаться.

С неба уже не падали снежные хлопья, а с веток слетали капельки влаги: кап-кап, дзюр-дзюр... И капельки сливались с капельками, радовались, бегали вперегонки по всему лесу, журчали и пели.

Мы — весны детвора,
Это наша пора.
Мы — ручьи! Мы — ручьи!
Солнце шлёт нам лучи.
Мы журчим, мы бежим,
Разбудить всех спешим.
Мы звеним, мы поём
И несём весть о том,
Что синичка поёт
И весна настаёт.
Это наша пора:
Мы — весны детвора!

Вместо высоких потемневших сугробов появились прозрачные лужицы. В них заглядывали деревья, которые просыпались от холодного зимнего сна.

— Ой, какая я! — испугалась молодая берёзка, взглянув на своё отражение в талой воде. И тут же почувствовала, как в ней забушевали весенние соки, увидела, как на ветках набухают почки.

По тающему снегу забегали насекомые. Что же было делать зиме?

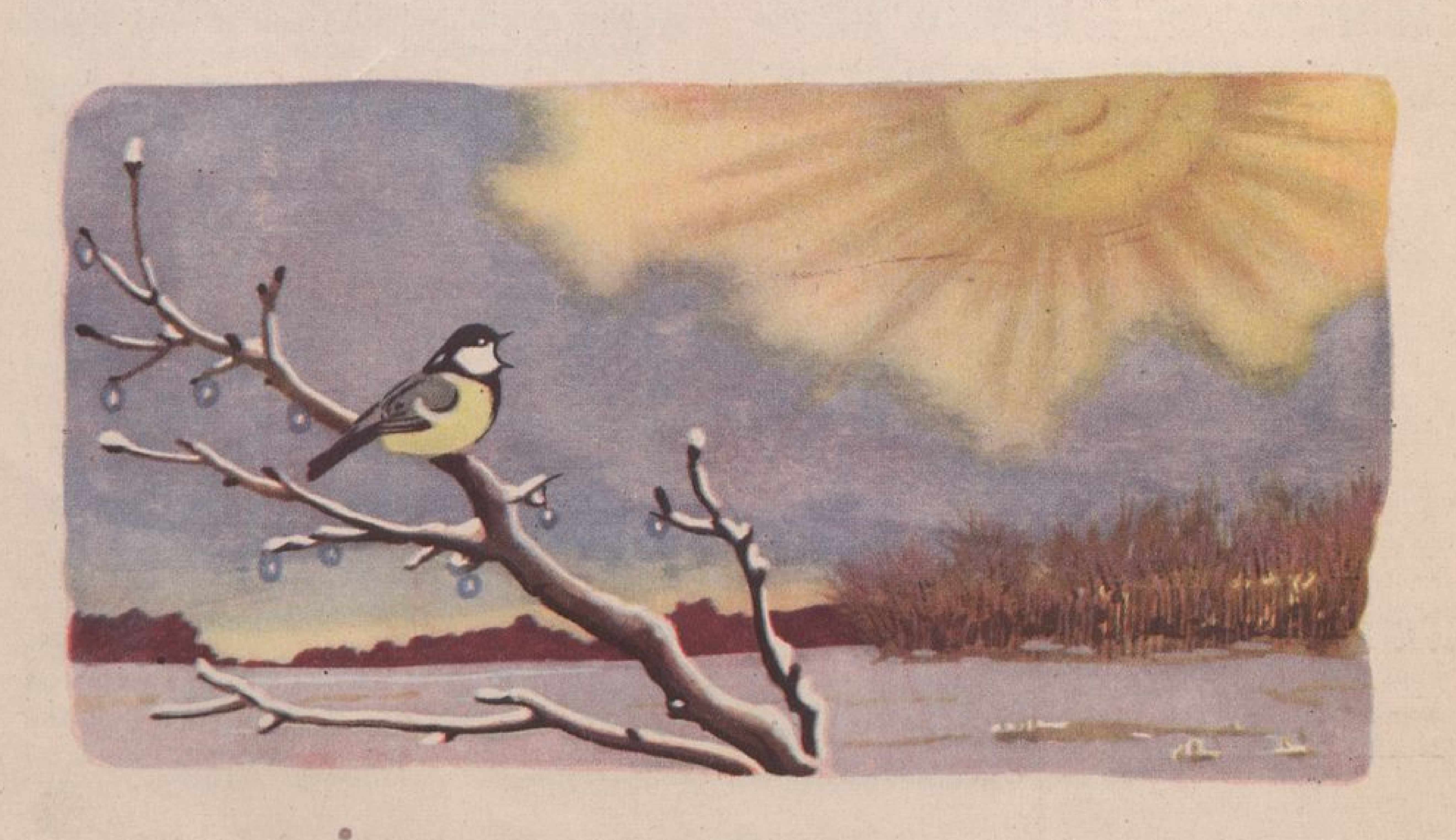
И солнышко сияло, и ручьи журчали, и ветры стали тёплые и уже не хотели сердито дуть, а играли с деревьями и ручьями. Махнула зима рукой, заскрипела ночью, последний раз, да и подалась на север. И уже все знали, что скоро прибежит весна, и торопились скорее прибраться. Ручьи умывали землю, она покрылась зелёной травкой, зацветали первые цветы, набухали почки на деревьях, прилетали домой птицы.

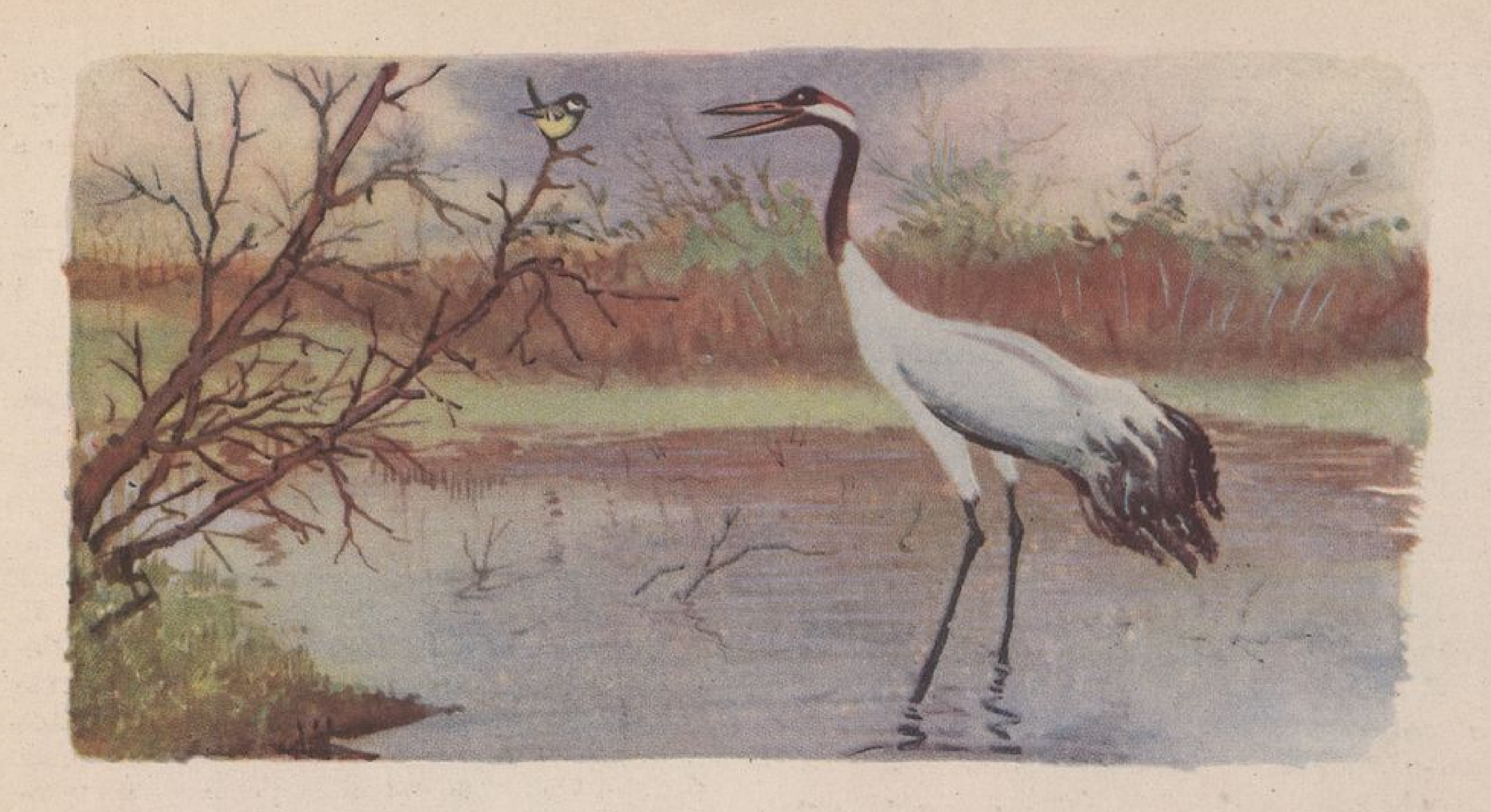
— Ты жива, маленькая? — весело гоготали гуси.

— Ты не замёрзла, крошка? — курлыкали журавли. — Вот и мы дома!

А когда у молодой берёзки уже так распустились листочки, что на них могли уместиться капельки росы и можно было напиться, тогда прилетели соловьи.

Соловьи пели в лесу заливистее, голоси-

стее. Все птицы замолкали, когда пели соловьи. Это была песня про далёкие странствия, про тёплые края с яркими цветами и золотыми плодами. И все деревья слушали, и все птицы слушали, и маленькая Синичка слушала и вспоминала лютую зиму и ветры. Но куда ей было лететь? А как же тогда родная берёзка, и родной старый дуб, и лесная яблонька?..

И старый дуб, словно зная, о чём думает Синичка, ласково бормотал:

— А зиму всё-таки ты прогнала и про весну первая запела.

И это услышали соловьи. И запели про родные леса, которые были милее, красивее самых хвалёных южных садов. И эта песня была наградой маленькой весёлой смелой Синичке, не побоявшейся зимы.

Синичка застыдилась, защебетала и что-то запела. К ней присоединилась вторая, третья, четвёртая птичка... Они пели, что теперь весна, всем хорошо и не надо думать про снег и холод.

И все птицы в лесу запели веснянку — весёлую весеннюю песню.

Лес шумел, журчали ручейки, и в неумолчном лесном хоре был отчётливо слышен нежный голосок маленькой Синички.

Рисунок на обложке Г. Никольского.

Портрет В. И. Ленина работы художника Васильева

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ.

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор А. ГУБЕР

Год издания двадцать шестой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д-3-20-99, доб. 1-06. Подписано к печати 11/III 1949 г. А01319 Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 273.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

Назовите, какие это деревья, и напишите нам.